

МАРК ВЕЛЬТ

ПРОШЛОЕ
НЕ УМИРАЕТ.
ОНО ЖДЁТ
СВОЕГО ЧАСА.

ТЕНИ ПРОШЛОГО

— ДЕТЕКТИВ —

Марк Вельт

Тени прошлого

«Автор»

2026

Вельт М.

Тени прошлого / М. Вельт — «Автор», 2026

Восемь незнакомцев приглашены в уединённое поместье на берегу озера. Хозяин не приехал. Вместо него — конверты с обвинениями и детская считалка в каждой комнате. Шторм отрезает поместье от берега, и гости начинают погибать один за другим — точно по строчкам считалки. Доктор Шеппард, невольный свидетель, ведёт дневник, пытаясь вычислить убийцу среди них. Но у каждого есть мотив, и каждый что-то скрывает. Прошлое не отпускает никого.

© Вельт М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Марк Вельт

Тени прошлого

Глава 1.

Я, доктор Джеймс Шеппард, всю жизнь считал себя человеком рассудительным и лишённым излишней сентиментальности. Медицинская практика в тихом провинциальном Кингс-Эббот приучила меня к размеренности и предсказуемости бытия. Но когда утром в четверг, четырнадцатого октября, мне в руки попало письмо на плотной кремовой бумаге с гербом в виде свернувшейся кольцом змеи, я почувствовал смутное беспокойство. Это было не обычное приглашение. «Дорогой доктор Шеппард, — гласило письмо, — я наслышан о вашей проницательности и о вашем даре хранить секреты. В моём поместье Гнездо цапли на озере Килдер собираются несколько человек, чьи судьбы, как мне кажется, тесно переплетены. Один из них нуждается в вашей профессиональной помощи, но не догадывается об этом. Другие — в вашей наблюдательности. Я приглашаю вас провести выходные в моём скромном убежище. Уверяю, скучно не будет. Транспорт до станции Килдер-Холт будет подан в пятницу, в 15:40. С уважением, А. Н. Оникс». Имя «А. Н. Оникс» мне ни о чём не говорило. Я перебирал в памяти всех своих знакомых, пациентов, коллег — тщетно. Но тон письма был настолько необычен, а ситуация столь интригующей, что я, к своему стыду, поддался любопытству. Признаться, после смерти миссис Феррарс и последующих событий, о которых я стараюсь не вспоминать, моя провинциальная практика казалась мне особенно пресной. Это приглашение обещало развеять скуку. Я ответил короткой запиской, подтверждающей моё согласие, и в пятницу, в назначенное время, прибыл на маленькую, забытую богом станцию Килдер-Холт. Поезд, доставивший меня сюда, был почти пуст, и я с удивлением обнаружил, что не я один сошёл на этой платформе. Кроме меня, здесь оказались ещё семеро. Среди них я сразу заметил полную даму в кричащем розовом пальто, которая громко отчитывала носильщика за то, что тот, по её мнению, недостаточно бережно обращался с её многочисленными чемоданами. Рядом с ней стоял высокий, худой мужчина с лицом, напоминающим профиль на древней монете, — судя по выправке, военный. Чуть поодаль, у стены, прислонившись, курил молодой человек с бледным лицом и нервными пальцами. Он то и дело бросал быстрые взгляды на остальных, словно пытался оценить их или, возможно, чего-то опасался. Две девушки — одна в форме медсестры, другая, по-видимому, гувернантка или компаньонка, — тихо переговаривались, стоя в стороне. Медсестра, миловидная блондинка с решительным подбородком, что-то оживлённо рассказывала своей спутнице, которая лишь кивала, поглядывая по сторонам с выражением тревоги на бледном лице. Замыкал группу пожилой священник с добродушным, но немного растерянным лицом. Он то и дело поправлял свой воротничок и оглядывался, словно искал кого-то, кто мог бы объяснить ему, что здесь происходит. Нас встретил закрытый автомобиль — большой, чёрный, с зашторенными окнами. Шофёр, угрюмый мужчина лет пятидесяти, молча помог нам с багажом и, не проронив ни слова, занял своё место за рулём. Вскоре мы уже ехали по узкой, извилистой дороге, которая петляла вдоль мрачного, свинцового озера. Ветер усилился, и первые капли дождя забарабанили по крыше, быстро превратившись в сплошной поток. — Какое ужасное место, — пробормотала полная дама, миссис Уэйнрайт, как я узнал позже из обрывков разговора. — Я уверена, здесь водятся привидения. Эти старые дома всегда полны призраков. Мой дедушка рассказывал... Её сосед, майор Барри, тот самый военный с лицом, похожим на монету, отрывисто бросил, не дав ей договорить: — Вздор. Просто глушь. И сырость. Ничего более. В Африке я видел места и похуже. — Вы были в Африке? — оживилась миссис Уэйнрайт. — Мой покойный муж тоже там служил. Возможно, вы знали... Но майор уже

отвернулся к окну, явно не желая продолжать беседу. Молодой человек с нервными пальцами, мистер Эдж, сидел, вжавшись в угол, и смотрел в окно. Его отражение в стекле казалось почти прозрачным, почти призрачным. Я заметил, что он то и дело что-то бормочет себе под нос, и его руки, лежащие на коленях, слегка дрожали. Медсестра — её звали, как я узнал позднее, мисс Кларк — попыталась завязать разговор с гувернанткой, мисс Барлоу, но та отвечала односложно, и вскоре беседа угасла. Священник, преподобный мистер Картрайт, сидел с закрытыми глазами, и его губы беззвучно шевелились, словно он читал молитву. Поместье «Гнездо цапли» оказалось массивным, сумрачным зданием из серого камня, стоящим на самом краю обрыва. Его окна, похожие на глаза, слепо смотрели на бушующее озеро. Когда мы вышли из автомобиля, ветер ударил нам в лицо с такой силой, что миссис Уэйнрайт едва не упала, и её пришлось поддержать под руку. Дождь хлестал нещадно, и мы все, промокшие и продрогшие, поспешили к массивной дубовой двери. Дверь открылась прежде, чем мы успели постучать. На пороге стоял сгорбленный старик в ливрее, дворецкий, представившийся Хиггинсом. Вид у него был затравленный, словно он ожидал чего-то страшного. Его глаза, глубоко посаженные на морщинистом лице, бегали с одного из нас на другого, словно он пытался запомнить каждого. — Добро пожаловать в «Гнездо цапли», — произнёс он дрожащим голосом. — Мистер Оникс... мистер Оникс задерживается. Он просил передать свои извинения и просил вас располагаться. Ваши комнаты готовы. Ужин будет подан в восемь. И... он оставил для вас послание. Он указал на большой дубовый стол, стоящий в центре просторного холла. На столе, в ряд, лежали восемь запечатанных конвертов. На каждом из них было написано имя одного из нас. Аккуратным, каллиграфическим почерком. Я подошёл ближе, чтобы рассмотреть. «Доктор Шеппард», — было написано на первом. «Миссис Уэйнрайт», — на втором. «Майор Барри», «Мистер Эдж», «Мисс Кларк», «Мисс Барлоу», «Преподобный Картрайт»... Восемь конвертов. Восемь имён. Восемь гостей. В холле горел камин, и его пламя отбрасывало причудливые тени на стены, обшитые тёмными дубовыми панелями. На стенах висели портреты — старинные, тусклые, с лицами, которые, казалось, следили за нами. В воздухе пахло сыростью, застарелым табачным дымом и ещё чем-то — быть может, пылью, а быть может, чем-то более зловещим. Я вскрыл свой конверт. Внутри оказался лист плотной бумаги, на котором был напечатан следующий текст: «Доктор Шеппард, вы человек, которому доверяют. Но вспомните ли вы ту ночь в Кингс-Пэддок? Женщина, которую вы могли спасти, но не сделали этого. Вы хранили её тайну, но хранили ли вы её жизнь? Вспомните о миссис Феррарс». Кровь отхлынула от моего лица. Я в ужасе скомкал лист. Как он узнал? Как кто-то мог узнать о той ночи? Это было невозможно. Миссис Феррарс мертва. Я был единственным, кто знал правду — или, по крайней мере, я так думал. Я оглядел остальных. Миссис Уэйнрайт побледнела и часто моргала, словно пытаясь сдержать слёзы. Майор Барри стоял с каменным лицом, но на его шее вздулась жила, и я заметил, как его руки, сжатые в кулаки, слегка дрожат. Молодой человек, мистер Эдж, скомкал своё послание и с ненавистью бросил его на пол, а затем, спохватившись, поднял и спрятал в карман. Мисс Кларк, медсестра, читала своё письмо с каменным выражением лица, но я заметил, как её пальцы, держащие лист, побелели. Мисс Барлоу, гувернантка, тихо ахнула и прижала руку к груди. Преподобный мистер Картрайт опустил своё письмо и перекрестился, его губы беззвучно шевелились. Тишину прервал громкий раскат грома. Дождь хлынул с новой силой, заглушая все звуки. Молния осветила холл, выхватив на мгновение из темноты испуганные лица. Мы были отрезаны от мира — по крайней мере, до утра. И в этот момент, словно по сигналу, из соседней комнаты, которую все считали пустой, донёсся странный, скрежещущий звук. Затем раздался голос — высокий, чистый, лишённый всяких эмоций. Он, казалось, исходил отовсюду и ниоткуда. Он шёл из стен, из-под пола, с потолка. — Дамы и господа. Попрошу тишины. Вы все обвиняетесь в следующих преступлениях... Голос начал перечислять имена и обвинения. Я стоял, окаменев, слушая, как механический, бездушный голос называет давние, тёмные дела моих спутников. Он говорил о миссис Уэйнрайт, кото-

рая, как выяснилось, была сиделкой в доме, где умерла пожилая женщина при подозрительных обстоятельствах. О майоре Барри, который, якобы, отдал приказ, приведший к гибели его собственного подчинённого. О мистере Эдже, чья неосторожность на дороге стоила жизни ребёнку. О мисс Кларк, в чьей больнице умер пациент после того, как она перепутала лекарства. О мисс Барлоу, которая, по слухам, довела до самоубийства свою бывшую воспитанницу. О преподобном Картрайте, который, якобы, знал о преступлении, но предпочёл промолчать, чтобы не очернить репутацию церкви. И о миссис Феррарс. Голос назвал её имя, и я почувствовал, как земля уходит из-под ног. Обвинение против меня было сформулировано чётко и безжалостно: «Доктор Шеппард, вы знали, что миссис Феррарс отравила своего мужа, но не сообщили об этом. Вы предпочли хранить её тайну, чтобы не потерять выгодную пациентку. И когда она, не выдержав мук совести, покончила с собой, вы не сделали ничего, чтобы её остановить. Вы виновны в её смерти». Это была ложь. Гнусная, чудовищная ложь. Я не знал... я не мог знать... Но слова голоса эхом отдавались в моей голове, и я не мог найти в себе силы, чтобы возразить. Когда голос смолк, наступила гнетущая пауза. Никто не двигался. Никто не говорил. Мы стояли, словно громом поражённые, не в силах осознать то, что только что услышали. А затем раздался звон разбитого стекла. Миссис Уэйнрайт уронила свой бокал с шерри, который ей, видимо, удалось где-то найти в этой суматохе. Она смотрела не на нас, а на стол посреди холла. Её лицо было белым, как мел, и она указывала дрожащим пальцем на что-то. Мы все обернулись. Там, на полированной поверхности стола, в ряд стояли восемь фарфоровых фигурок. Восемь маленьких солдатиков. Восемь. Ровно столько, сколько нас. — Что это значит? — прошептала мисс Барлоу, и её голос дрожал. — Это считалка, — сказал я, и мой собственный голос показался мне чужим. — «Десять негрятят». Только здесь их восемь. — Восемь негрятят, — медленно произнёс майор Барри. — Восемь гостей. Восемь обвинений. — И одна смерть, — тихо добавил мистер Эдж, и в его глазах мелькнул неподдельный ужас. — Что вы имеете в виду? — резко спросила мисс Кларк. Мистер Эдж обвёл нас всех взглядом, полным паники. — Разве вы не понимаете? Мы все обвинены. Мы все — подозреваемые. И кто-то... кто-то из нас... — он замолчал, не в силах закончить фразу. — Кто-то из нас — убийца, — закончил за него преподобный Картрайт, и его голос, обычно мягкий, прозвучал на удивление твёрдо. — Или, вернее, судья. Палач. — Это абсурд! — воскликнула миссис Уэйнрайт. — Я требую объяснений! Где мистер Оникс? Кто он такой? Но ответа не было. Только ветер завывал за окнами, и дождь барабанил по крыше, и пламя в камине отбрасывало зловещие тени на наши испуганные лица. Дворецкий, Хиггинс, стоял у двери, и его лицо было серым. Он выглядел так, словно вот-вот упадёт в обморок. — Хиггинс, — обратился я к нему, стараясь говорить спокойно. — Кто такой мистер Оникс? Вы знаете его? Дворецкий покачал головой, и его глаза наполнились слезами. — Я не знаю, сэр. Я никогда его не видел. Меня наняли через агентство, как и мою жену. Нам просто сказали, что нужно подготовить дом к приезду гостей и выполнять все указания, которые будут оставлены. Я получал письма. Только письма. Последнее было сегодня утром. В нём было сказано включить граммофон в определённое время. Я... я не знал, что на пластинке. Клянусь, я не знал. — Грамофон? — переспросил майор Барри. — Так это была пластинка? — Да, сэр, — кивнул Хиггинс. — В соседней комнате. Там был граммофон и пластинка. Мистер Оникс... или кто-то другой... приказал включить её ровно в шесть. Мы переглянулись. Восемь человек, незнакомых друг с другом, собранных в этом мрачном доме на краю озера, отрезанных от внешнего мира штормом. Каждый из нас был обвинён. Каждый из нас был виновен — или невиновен — в чём-то, что произошло давно. И кто-то из нас был здесь не жертвой, а охотником. Я подошёл к окну и выглянул наружу. Дождь лил стеной, и озеро, тёмное и беспокойное, казалось, сливалось с небом. Никакой надежды на спасение не было. Никакой надежды на помощь. Я обернулся и посмотрел на своих спутников. Они стояли, сбившись в кучку, словно испуганные овцы. Или, возможно, словно подсудимые перед вынесением приговора. — Я предлагаю всем разойтись по своим комнатам и запереться, — сказал я, и мой

голос прозвучал неожиданно твёрдо. — Утром мы найдём способ покинуть это место. А до тех пор нужно быть настороже. — Вы думаете, кто-то из нас в опасности? — спросила мисс Барлоу, и её лицо побледнело ещё сильнее. Я не ответил. Но мой взгляд упал на стол, где стояли восемь фарфоровых фигурок. Восемь маленьких солдатиков, выстроившихся в ряд. И я подумал о том, что если считалка верна, то к утру их может остаться семь. А затем мы услышали первый крик. Он раздался сверху, из спальни на втором этаже, которую только что занял мистер Эдж. Мы все бросились к лестнице, но дверь его комнаты была закрыта. Из-под неё не пробивалось ни полоски света, и когда мы, наконец, выломали дверь, то увидели, что мистер Эдж лежит на полу, и его лицо было почти синим, а в руке он сжимал пузырёк с каким-то лекарством. Рядом с ним, на столике, лежал лист бумаги с криво написанными строками: «Восемь негритят собрались в этом доме. Один не уберёт себя — и вот их стало семь». Миссис Уэйнрайт закричала, и её крик эхом разнёсся по всему дому, перекрывая шум бури. Я опустился на колени рядом с телом мистера Эджа и пощупал его пульс. Жизнь покинула его совсем недавно. Его глаза были широко открыты, и в них застыл ужас — ужас, который он, возможно, испытывал последние секунды своей жизни. Когда я поднялся, то увидел, что все смотрят не на тело, а на стол в холле. Я обернулся. Фигурок на столе осталось семь. Это была самая страшная ночь в моей жизни. И я знал, что это только начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.